

Линь Цинюй некоторое время не отвечал. Лу Ваньчэну сегодня восемнадцать?

Судя по дате рождения Лу Ваньчэна, ему уже давно перевалило за восемнадцать. Он фактически приближался к двадцатилетию. Этот восемнадцатилетний парень не был «Лу Ваньчэном». Это мог быть только он.

Это был всего лишь день рождения, и даже не кратный десяти. Если бы это был его день рождения, Линь Цинюй даже не обратил бы внимания, а тем более не ждал бы специально и не будил кого-то посреди ночи. Если бы это произошло раньше, он бы загнал его обратно на нижнюю койку, повернулся и продолжил спать. Но глаза Лу Ваньчэна были такими ясными и яркими, как будто он давно с нетерпением этого ждал, просто чтобы сейчас поделиться с ним этим маленьким секретом.

Линь Цинюй сел. Он отбросил свои длинные растрепанные волосы за плечи и спустился по ступенькам, чтобы встать с постели. В темноте он едва мог что-либо разглядеть, и его одежда касалась ступенек, спускаясь по лестнице, было слишком легко неосторожно оступиться. Линь Цинюй действительно не мог понять, как его убедили принять эту двухъярусную кровать, которая была так непривычна для этого мира.

«Будь осторожен». – К нему протянулась рука, тонкая и хрупкая, как сломанный холодный нефрит. Линь Цинюй тоже протянул руку, но не осмелился воспользоваться его помощью, просто легонько положил руку на ладонь Лу Ваньчэна.

Холодные конечности Лу Ваньчэна были старой проблемой. Линь Цинюй сам не был физически сильным мужчиной, но его руки все равно были намного теплее.

Лу Ваньчэн почувствовал тепло и мягкость в своей ладони, и, прежде чем он успел отреагировать, Линь Цинюй уже благополучно ступил на пол и отпустил его руку.

Считалось ли это держанием за руки? Прикоснулись к рукам, но не держались?

Лу Ваньчэн несколько раз приглушенно кашлянул, чувствуя себя измученным, он должен был снова сесть на кровать. Он с улыбкой сказал: «Я не собирался тебя будить. Но восемнадцать лет – это очень важно для меня, я... Я хотел поделиться этим моментом с тобой».

Линь Цинюй зажег свечу и спросил: «Что такого важного в том, что тебе восемнадцать?»

[Примечание: Я опустила этот момент, но знайте: ЛЦЮ зажег свечу с помощью древнего китайского огнива. 火折子 / huǒzhézi - огниво; зажигалка. Но оба эти слова коробят меня, ибо это не огниво и не зажигалка. Хуочжэцзы очень огнеопасен и использовался богатыми людьми и императорами в феодальную эпоху. Принцип работы хуочжэцзы в физике называется «перегоранием», что относится к явлению, когда что-то, что уже горит, находится в состоянии полу-горения и полу-тления из-за недостатка кислорода, и оно начинает гореть, как только кислород снова начинает поступать. Сверните очень грубую земляную бумагу в тугие рулоны,

подожгите ее, а затем задуйте. В это время, хотя пламени нет, вы можете видеть красное яркое пятно, слабо горящее, его можно долго держать в закрытой бамбуковой трубке. Когда хуочжэцзы нужно зажечь, его можно снова зажечь одним махом, но дуть нужно очень искусно – это должен быть внезапный, быстрый и мощным выдох с большим запасом воздуха.]

«У меня на родине есть много вещей, которые мальчики могут сделать, как только им исполнится восемнадцать, и то же самое касается девушек».

«Например?»

«Например, ты можешь гулять до поздней ночи, ты можешь не ночевать дома, и ты можешь... — Лу Ваньчэн остановился, его глаза задержались на губах Линь Циньюй, как будто он был немного смущен. — С самого детства я с нетерпением ждал этого дня. После того как я попал сюда, то мысленно считал дни».

Что касается истинной личности Лу Ваньчэна, у них всегда было молчаливое понимание. Если Лу Ваньчэн не поднимал этот вопрос, то Линь Циньюй никогда сам спрашивал. Тем не менее, он все равно мог собрать воедино образ этого другого человека из случайных слов Лу Ваньчэна.

Он не знал, как юноша стал Лу Ваньчэном. Он не хотел верить в сверхъестественное, но доверял своей интуиции.

Юноша, вероятно, был умным и ленивым подростком, с хорошим здоровьем, но всегда недосыпающим. И, конечно, он был не из тех, кто усердно работал в школе: пока наставник читал лекции на возвышении, он крепко спал внизу. Тем не менее, несмотря на это, он мог занять первое место на каждой оценке. Он, должно быть, очень хорошо выглядит и невольно захватил сердца многих своих одноклассников. Закусками, которые он получал от своих поклонников, он делился со своими друзьями. Жаль, что он был слишком ленив, чтобы ответить на чужие чувства, настолько, что никогда даже не держался за руку с девушкой.

И сегодня тому юноше исполнилось восемнадцать лет.

«Значит, у тебя на родине восемнадцатый день рождения важнее, чем наш двадцатый день рождения».

«Да, мне было чуть больше семнадцати, когда я попал сюда. Я думал, что не доживу до восемнадцати. Я не ожидал, что это продлится до сих пор».

Линь Циньюй со знанием дела спросил: «О, и чья заслуга в том, что ты смог дожить до своего восемнадцатилетия?»

«Конечно, это заслуга нашего лекаря Линя. — Его тело было слишком слабым, и, хотя Лу Ваньчэн не мог произнести свои слова громко, в его тоне можно было различить улыбку: —

Цинюй, я действительно счастлив, что смог дожить до восемнадцати лет. Как бы это ни предполагалось изначально, лекарь Линь, который вместо того, чтобы отравить меня, дал мне дополнительные полгода жизни, в моих глазах всегда был красивым и добросердечным главным героем».

«Главный герой» было еще одним незнакомым словом для Линь Цинюй. Может быть, из-за того, что свет свечей сегодня был слишком мягким и нежным, Линь Цинюй больше не хотел гадать и прямо спросил: «Что значит „главный герой“?»

Лу Ваньчэн посмотрел на него и сказал: «Так называемый „главный герой“ – это тот, кто, независимо от того, сколько сверканий мечей и яростных битв он прошел, сколько воняющих плотью ветров и кровавых дождей он пережил, даже в тот момент, когда он выберется из трясины, он будет таким же ослепительным».

Линь Цинюй мягко улыбнулся. Он расслабленно сидел рядом с Лу Ваньчэном, глаза скромно опущены, холод во всем его теле рассеялся, и его нефритовое лицо было так красиво под мерцающим светом свечей, что сердце трепетало. Бросив всего один взгляд, Лу Ваньчэн быстро отвернулся, не осмеливаясь взглянуть снова.

Плечом к плечу они сидели на краю нижней койки. Лу Ваньчэн хотел сказать что-то еще, но обнаружил, что необъяснимо не находил слов, и его кадык бесполезно перекачивался вверх и вниз. Он не мог выдать ни слова; только этот полумертвый кусок плоти в его груди яростно бился.

Линь Цинюй не заметил его странного поведения и спросил: «Каковы обычаи празднования дней рождения у тебя на родине?»

Лу Ваньчэн подумал и сказал: «Мы едим лапшу долголетия?»

Линь Цинюй сказал: «Я попрошу кого-нибудь сделать ее для тебя».

Воспользовавшись тем, что это был его день рождения, Лу Ваньчэн решил получить максимум возможного*: «Почему бы тебе самому не сделать ее?»

[Примечание: 趁機 / dé cùn jìn chǐ - получив цунь, продвинуться на чи. В образном значении: ненасытный, алчный, руки загребущие; сколько ни дай, ему все мало; жадничать, зарываться ср. дай ему палец – всю руку отхватит, аппетит приходит во время еды; не знать предела своим желаниям.]

Линь Цинюй недолго помолчал, но сказал: «Я не очень хорош в этом».

Лу Ваньчэн просто улыбнулся, его глаза изогнулись.

«Тогда просто сделай то, что можешь».

Хотя Линь Цинюй не родился в богатой и знатной семье, он все еще был настоящим молодым мастером. С детства его обслуживали другие, поэтому он, естественно, не очень хорошо готовил. Если бы они говорили о том, в чем он был хорош, то это было бы...

Линь Цинюй встал и сказал: «Раздевайся».

Лу Ваньчэн на мгновение остолбенел, подумав, что ослышался: «Что?»

«Я сделаю тебе лечение иглокалыванием, чтобы сегодня вечером ты мог спать более спокойно».

Улыбка Лу Ваньчэна застыла на его лице, он поднял руку и потер веки подушечками пальцев.

«...Спасибо».

На восемнадцатый день рождения Лу Ваньчэна Линь Цинюй подарил ему хороший ночной сон.

Скоро наступит зима. Хуа Лу складывала весеннюю и осеннюю одежду, она положила ее в шкаф и сменила на толстую зимнюю одежду. Вся прошлогодняя и старая зимняя одежда была сложена в сундуки, Хуа Лу потратила много времени на ее сортировку. Неожиданно в глубине деревянного сундука она нашла особый набор красочных и роскошных одежд. Это было свадебный наряд, который носил Линь Цинюй, когда вошел в резиденцию Хоу в день свадьбы. И украшения для волос, и покрывало невесты, которые он носил в тот день, были сложены вместе с ним.

Незамужние девушки всегда были очарованы свадебными нарядами. Хуа Лу развернула свадебное одеяние и повесила его. Восхищаясь, она сказала: «Молодой господин, шаоцзюнь, посмотрите, что я нашла».

Лу Ваньчэн оглянулся, но не мог понять, что ее взволновало: «Что это?»

«Это свадебный наряд, который носил шаоцзюнь, когда выходил замуж, разве вы не помните?»

Лу Ваньчэн сел прямо и долго смотрел на него, потом сказал: «Кажется, да».

Линь Цинъюй равнодушно сказал: «Что ты делаешь, вынимая его?»

Хуа Лу улыбнулась и сказала: «Шаоцзюнь обычно носит простую одежду, окрашенную только в один цвет, а чаще всего вы носите белое. Я никогда не видела вас в ярких цветах».

Хуань Тун вмешался: «Разве ты не видела его в тот день, когда молодой господин и молодой мастер Хоу поженились?»

«В то время молодой мастер носил покрывало, чтобы скрыть свое лицо. Это не считается, так как я не видела его лица. — Хуа Лу посмотрела на задумчивого Лу Ваньчэна и игриво пошутила: — Молодой господин, когда вы подняли покрывало и увидели шаоцзюня в свадебном одеянии, вы были потрясены?»

Лу Ваньчэн был убит горем: «...Я не помню».

Единственное, что он помнил, это то, что при пробуждении он увидел великолепного красавчика из «Классики». Тогда он был слишком занят, переваривая потрясение от переноса, что забыл запечатлеть красоту этого человека в своем сердце. После всего этого он был настолько сонным, что просто заснул. Оглядываясь назад, он помнил только, что тот был красив, но не было никакого впечатления о том, насколько он был хорош.

Глаза Хуа Лу сузились.

«Это было событие, случаемся раз в жизни, как вы могли забыть?»

«В этом нет ничего удивительного. — Линь Цинъюй бросил несколько кусочков угля в жаровню перед Лу Ваньчэном. — Я сам не помню, как выглядел молодой мастер Хоу в свадебном наряде».

В первую брачную ночь он думал только о том, как отравить Лу Ваньчэна, чтобы тот умер пораньше. Как он мог думать о чем-то вроде рассматривания свадебной одежды?

Лу Ваньчэн подтолкнул инвалидное кресло, чтобы встать перед развернутым свадебным нарядом. Он протянул руку и коснулся великолепного золотистого шелка, сказав: «Цинъюй, скажи, сколько серебра тебе нужно, чтобы снова надеть его и показать мне?»

Линь Цинъюй даже не поднял головы.

«Если ты так хочешь увидеть его на человеке, почему бы тебе самому не примерить его?»

«Я надену, мы можем вместе переодеться. — Видя, что Линь Цинъюй непоколебим, Лу Ваньчэн бесстыдно сказал: — Я умоляю тебя, о чудотворный лекарь Линь».

«Ты склоняешь голову, чтобы попросить о таком пустяке? Неужели ты не можешь проявить немного больше достоинства?»

Лу Ваньчэн прошептал: «Просто я действительно хочу это увидеть». Если бы он увидел это снова, то точно бы запомнил все и умер бы без сожалений.

Линь Цинъюй еще не успел ответить, когда вошел слуга, чтобы передать сообщение о том, что Пан Иньян приглашает шаоцзюня обсудить дела в зале для приема гостей.

Рано утром Лу Няньтао села в карету и поехала во дворец. На этот раз без сопровождения Лян Ши.

Кандидатки в наложницы принца еще не были выбраны. Императрица пригласила всех знатных девушек во дворец, сказав, что хочет полюбоваться цветами. Тем не менее, все знали, что на самом деле это были смотрины для наследного принца. Как только вечер любования цветами закончится, положение наложниц принца должно быть определено.

Хотя Наньань Хоу намеренно держался на расстоянии от наследного принца, он все же положительно относился к возможному выбору своей дочери. Выбор наложницы был открытым и честным, и это было одобрено императором. В конце концов, наследный принц был наследным принцем. Рано или поздно он будет править поднебесной. Если бы дочь Наньань Хоу была рядом с принцем, это можно было бы рассматривать как наличие опоры в будущем.

«По словам момо во дворе второй молодой леди, вторая молодая леди сегодня была одета очень просто. Раньше она предпочитала нежно-розовый цвет, но на этот раз для поездки во дворец она надела простое белое одеяние, а прическу украсила минимумом аксессуаров для волос. По сравнению с другими благородными девушками, я боюсь, что, хотя она может показаться более элегантной, но недостаточно богатой».

Линь Цинъюй усмехнулся.

«Не волнуйся, это может вполне устроить наследного принца».

Пан Ши осторожно сказала: «Также я слышала, что ее макияж для поездки во дворец на этот раз был немного странным. Она сделала красивую родинку под левым глазом, точно... как у вас, шаоцзюнь».

Линь Цинъюй не проявил особой реакции, когда услышал это. Он сказал с холодным выражением лица: «Это путь, который она выбрала сама. Никто не заставлял ее, никто не искушал ее. Если что-то случится в будущем, ей некого будет винить, кроме самой себя. Это не имеет никакого отношения ни к кому другому».

Пань Ши опустила глаза и согласилась: «Разумеется».

Видя, что Пан Ши не собирается уходить, Линь Цинюй спросил: «Есть еще что-нибудь, что Иньян хочет обсудить?»

Пан Ши на мгновение заколебалась, а затем сказала: «Я вспомнила, что шаоцзюнь сказал раньше, что молодой мастер... не доживет до конца года».

Линь Цинюй слегка вздрогнул и сказал: «Действительно».

«Уже октябрь, — Пань Ши выглядела так, словно не могла этого вынести, — не пора ли начать готовиться к похоронам молодого господина?»

Линь Цинюй некоторое время молчал и сказал: «Я сам позабочусь об этом».

Переводчику есть что сказать:

ессо: Готовиться к похоронам... Боже, я предпочту умереть сразу, чем медленно и мучительно угасать. Хотя мы все знали, что Ваньчэн умрет, но все же... Привет, стеклышко! ☹️(´`´) ☹️

<http://bllate.org/book/15122/1336650>